

Основой статьи являются проблема фонемы и отстаивание тезиса о фонологии как самостоятельной науке, у которой наука фонетика находится в соподчиненном состоянии, хотя автор пишет, что: «фонология возникла в результате коренного перелома в развитии фонетики — науки о звуках языка» (стр. 325).

Иначе говоря, фонология, возникнув из фонетики, якобы подчинила себе фонетику, из которой вышла сама. Автор считает выделение фонологии из фонетики равным по своему значению перевороту в других науках, в частности в классической физике. Допустим, — но при этом надо помнить, что выделение самостоятельных отделов в физике не повело к изменению названия самой науки.

С. К. Шаумян, считая, что выделение фонологии в самостоятельную науку явится панацеей от всех недостатков, присущих фонетике, обвиняет ее в том, что она не изучает смысловозначительной роли фонемы. Но это справедливо в отношении буржуазной фонетики и дощербовского периода в отечественной фонетике. Предлагаемая разграничить две науки, автор, сам того не замечая, дает крен в сторону от диалектического изучения звука речи. Если же понимать защиту положения о необходимости называть фонологией ту же науку фонетику, но на этапе, когда она признала и приняла социальный аспект фонемы, как одну из сущностей своего предмета, то получается, что постановка вопроса о двух науках лишь терминологический вопрос.

Что следует относить к вариантам звуков речи? Видоизменение одного из элементов, составляющих артикуляционный уклад фонемы, не ведущее к нарушению смысловозначительной функции ее, а придающее фонеме новый оттенок в зависимости от ее положения в соседстве с другими звуками — есть ее вариант. Так вариантами русской фонемы [e] явится ее произношение в словах: *шест, шесть, этот, эти*.

Оттенок звука речи не является чем-то раз навсегда данным, а, как и сама фонема, может подвергаться изменениям. Например, «светлый» и «темный» оттенки английского [l], четко различаемые в английском произношении, ассимилировались на американской почве, где «светлый» оттенок утрачивается и фонема начинает произноситься однотипно в ее «темном» варианте.

Часто приводимый пример об оглушении конечных согласных, и выводы, которые делают защитники различных теорий о сущности фонемы в связи с этим, заслуживают, чтобы на них остановиться, тем более, что и С. К. Шаумян, трактуя это явление русского произношения, считает нужным ввести новое понятие «смешанная фонема».

Действительно, в словах: *рог и рок, луг и лук, лаг и лак* и т. п. мы имеем оглушение конечных фонем [ɣ] до степени глухой фонемы [к]. Автор статьи считает, что здесь мы имеем случай, когда в фонеме [к] «совпали оба члена данного фонологического противопоставления. Это [к] только фонетически сходно с фонемой [к]. Но как различительная единица оно не совпадает ни с фонемой [к], ни с фонемой [ɣ]. Для фонем [к] и [ɣ] глухость и звонкость — дифференциальные признаки, а для [к], стоящего в конце слова, глухость не есть дифференциальный признак, раз в данном положении невозможно противопоставление [к] — [ɣ]» (стр. 338). Далее делается вывод: «С точки зрения различительной функции звук, стоящий в конце слова, следует признать смешанной фонемой [к/ɣ], потому что он объединяет в себе фонемы [к] и [ɣ]» (там же).

Под «смешанными» фонемами автор понимает и [ə], в чем он усматривает не только функциональное, но и физическое смешение. Под последним понятием он имеет в виду то обстоятельство, что [ə] не может быть соотносена ни с одной из фонем, из которых она образуется, т. е. [o] и [a].

Обнаружив в оглушении конечного [ɣ] «новую» фонему [к/ɣ], автор указывает, что звуки [к] и [ɣ] являются не чем иным, как вариантами этой «смешанной» фонемы.